

Проблема реализации общеправового и уголовно-правового принципа справедливости посредством института освобождения от уголовной ответственности

The Problem of Implementing the General Legal and Criminal Law Principle of Justice Through the Institution of Exemption from Criminal Liability

Зорина Е.А.

Канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
e-mail: zorina_lena@mail.ru

Zorina E.A.

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Labor Law of St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia
St. Petersburg university of state fire service of EMERCOM of Russia
e-mail: zorina_lena@mail.ru

Вахмистров В.П.

Канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова
e-mail: venvp@mail.ru

Vakhmistrov V.P.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Military Medical Academy named after S.M. Kirov
e-mail: venvp@mail.ru

Вахмистрова С.И.

Канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
e-mail: ven_sv@mail.ru

Vakhmistrova S.I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia
e-mail: ven_sv@mail.ru

Аннотация

В статье актуализируется проблема реализации общеправового и уголовно-правового принципа справедливости посредством института освобождения от уголовной ответственности. Рассматриваются теоретико-методологические предпосылки и дискуссионные аспекты практического функционирования данного института. Привлекаются актуальные статистические данные. Сущностная специфика

рассматриваемого института осмысливается через призму этических взглядов И. Канта, Д. Ролза, теоретико-правовых концепций В.С. Нерсисянца и А.В. Полякова.

Ключевые слова: справедливость, правосознание, освобождение от уголовной ответственности, криминологический рецидив, совершение преступления впервые.

Abstract

The article actualizes the problem of implementing the general legal and criminal law principle of justice through the institution of exemption from criminal liability. The theoretical and methodological prerequisites and debatable aspects of the practical functioning of this institute are considered. Relevant current statistical data are involved. The essential specificity of the institute under consideration is understood through the prism of the ethical views of I. Kant, D. Rawls, the theoretical and legal concepts of V. S. Nersesentsev and A.V. Polyakov.

Keywords: justice, legal awareness, exemption from criminal liability, criminological recidivism, committing a crime for the first time.

В российском законодательстве среди важнейших общеправовых принципов особое место занимает принцип справедливости. Этот принцип-идеал находит свое закрепление в самом начале Конституции, в ее преамбуле, где говорится о почитании веры в добро и справедливость как исходных установках национального правосознания.

Прикладную актуальность осмыслению путей реализации принципа справедливости придает то обстоятельство, что, по данным социологических опросов, проведенных Фондом «Общественное мнение», 68% респондентов считают устройство современного российского общества несправедливым [1, с. 3]. Проблему справедливости при этом необходимо решать разными путями, но, прежде всего, через изменение общественного сознания.

Значение справедливости для человечества очевидно. Еще великий немецкий философ И. Кант в своем труде «Метафизика нравов» писал: «Если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [2, с. 256]. Рассматривая взаимосвязь справедливости и права, Кант подчеркивал, что она должна быть нравственной основой для принятия законов и выступать как «высшая моральная максима третейских решений».

Одну из наиболее популярных концепций справедливости предложил американский философ Д. Ролз, что стало значительным научным вкладом в современную этику. В своей концепции Ролз рассматривает справедливость как первую добродетель общественных институтов. Никакие формы общественной жизни, по мнению ученого, не имеют права на существование, если они несправедливы. «Справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – это первая добродетель систем мысли...» [3, с. 65]. При этом Ролз указывает, что в обществе существует конфликт интересов, в силу чего идея справедливости должна выступать не как высший идеал, который требуется реализовать в жизни, а как предмет политического торга. Разработанная Ролзом модель справедливого общества, как и все утопии, труднореализуема на практике, но ее адепты полагают, что построить такую модель социально-справедливого общества в основном возможно.

Вместе с тем, не все современные теоретические построения в области методологии реализации принципа справедливости отличаются логической завершенностью и практико-ориентированным реализмом. На этом фоне нового прочтения заслуживает доктрина юридического либертариизма, как методология анализа правовой концепции справедливости, предложенная В.С. Нерсисянцем [4]. Он полагал, что справедливость – это категория и характеристика, прежде всего, правовая, а не внеправовая (моральная, нравственная, религиозная и т.д.). Справедливость есть внутреннее свойство и качество права, оно входит в понятие права. Право по определению всегда справедливо и является носителем справедливости в социальном мире. Иными

словами, справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует праву. Действовать по справедливости – значит действовать правомерно, соответственно всеобщим и равным требованиям права.

В то же время, рассматривая справедливость как один из модусов должного, А.В. Поляков указывает, что ценностный механизм оценки конкретного правового акта как справедливого или несправедливого достаточно сложный и не может осуществляться на основании какого-либо единого рационального критерия [5]. Право как выражение должного будет оцениваться справедливым, если сами критерии справедливости берутся из одноименной социокультурной среды.

Таким образом, теоретическая конструкция справедливости многоаспектна, дискуссионна и культуроцентрична.

Как известно, ключевым принципом российского уголовного закона является принцип справедливости, устанавливающий соответствие применяемого наказания или иных мер уголовно-правового характера к лицу, совершившему уголовно наказуемое деяние, характеру и степени общественной опасности этого деяния. В.И. Зубкова отмечает, что в ст. 6 УК РФ данный принцип сводится «лишь к соразмерности ... характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» [6, с. 15]. При этом в законе основной акцент делается на карательный характер уголовно-правового воздействия. Что же касается правоприменительной практики, то автор обоснованно отмечает, что реализация принципа справедливости обуславливается субъективным усмотрением правоохранительных органов, принимающих решение о применении того или иного нормативного предписания, в том числе и институтов освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания [6, с. 18]. В этом случае не исключены элементы произвола со стороны правоприменительных органов, что явно не способствует реализации принципа справедливости.

На практике возникает также ряд иных проблем, связанных с реализацией данного принципа. Обусловлено это, прежде всего, наличием в Уголовном кодексе РФ мер уголовно-правового поощрения, применение которых по отношению к конкретным лицам зачастую вызывает споры и сомнения в правильности прикладного толкования принципа справедливости.

Так, одной из мер уголовно-правового поощрения лиц, совершивших общественно опасное деяние, является освобождение от уголовной ответственности. Основная цель применения института освобождения от уголовной ответственности – стимулирование позитивного посткриминального поведения лиц, совершивших общественно опасное деяние. Принимая данные нормы права, законодатель руководствовался идеей, что раскаявшийся и осознавший всю недопустимость своего поведения субъект станет на путь исправления и в будущем будет демонстрировать законопослушное поведение.

Данный институт применяется достаточно широко. В 2020 г. по общим основаниям от уголовной ответственности освобождено 154 409 чел., еще 72 466 чел. освобождены по иным основаниям [7]. Такая динамика, по сведениям Агентства правовой информации, держится на протяжении нескольких последних лет, демонстрируя незначительные колебания. В среднем от уголовной ответственности освобождается ежегодно порядка 22–26% от общего числа совершивших преступления лиц [8, с. 8].

Казалось бы, реализация принципа справедливости налицо. Человек раскаялся в содеянном, возместил причиненный общественно опасным деянием вред и общество его простило. Однако на практике не все обстоит так благополучно. По данным Генеральной прокуратуры РФ, более половины лиц, совершивших преступление, уже имели криминальный опыт. Так, за 2020 г. среди совершивших преступление и выявленных было 57,7% лиц, ранее совершавших преступление (492 107 чел.). За первый квартал 2021 г. эта цифра составила 56,9% [9].

Объективно приходится констатировать, что для половины лиц, виновных в совершении преступления, противоправность является образом жизни, определяющим их аксиологическую шкалу и задающим соответствующий вектор поведения. При этом из официальной статистики не представляется возможным сделать однозначный вывод, какое количество из вновь выявленных лиц были освобождены от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Статистика по повторности совершения преступлений приводится и Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. По данным ведомства, ежегодно порядка 1% осужденных – это лица, ранее освобожденные судом от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. В абсолютном исчислении эти цифры выглядят так: за 2018 г. – 7155 чел.; за 2019 г. – 6002 чел., за 2020 – 5260 чел. [10]. Формально, динамика позитивная – количество лиц, совершивших преступление повторно, после применения к ним института освобождения от уголовной ответственности снижается. Но данная статистика показывает только те случаи, когда лица, повторно совершившие преступления, не просто еще раз привлекаются к уголовной ответственности, а уже осуждены за новое преступление. При этом, зачастую это преступления тяжкие или особо тяжкие, а количество одновременно совершенных преступлений превышает два и более.

Официальная статистика Генеральной прокуратуры РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ не показывает сколько лиц, ранее освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, совершили преступления повторно и вновь были освобождены от уголовной ответственности. А такие ситуации не являются чем-то исключительным. Например, О.С. Стадниченко указывает на проблему, с которой ему довелось столкнуться в своей прокурорской практике. По его данным, некоторые злостные нарушители закона освобождались от уголовной ответственности судом неоднократно [11] и тем самым не попадали в официальную статистику Судебного департамента при ВС РФ, показывающую состояние рецидива и повторности совершения преступлений.

Вне этой статистики оказываются и сведения по освобождённым от уголовной ответственности на стадии предварительного следствия и затем вновь совершившим преступление. По разным данным, число уголовных дел, прекращенных в связи с освобождением от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, достигает 1,5–4,5% от общего количества возбужденных уголовных дел [12, с. 19]. По данным Генеральной прокуратуры РФ за январь-июль 2021 г. следственными органами Следственного комитета РФ и органами внутренних дел было прекращено по нереабилитирующим основаниям около 6% уголовных дел [13].

В этой связи встает вопрос, насколько эффективно реализуется принцип справедливости по отношению к лицам, совершившим общественно опасное деяние, если столь гуманное отношение общества и государства к продемонстрированным ими противоправным проявлениям не приводит к желаемому результату – позитивному посткриминальному поведению.

Представляется важным высказать некоторые суждения о понятии «рецидив». С уголовно-правовой точки зрения этот термин закрепляется в ст. 18 УК РФ и определяется как повторное совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за совершенное ранее умышленное преступление. Следовательно, лица, фактически являющиеся рецидивистами при повторном совершении умышленного преступления, становятся таковыми в уголовно-правовом смысле только если на момент совершения преступления они имели неснятую или непогашенную судимость. Если же в тот момент судимости не было, то формально они совершают преступление впервые.

В научной литературе указывается, что формулировка «совершение преступления впервые» может иметь два аспекта – фактический и юридический [14, с. 28]. Фактически лицо совершило преступление впервые, если до этого у него отсутствовал криминальный

опыт, лицо не подвергалось уголовному преследованию и у него отсутствует так называемый фактический рецидив.

«Фактический рецидив преступлений» как правовой термин появился в отечественной правовой науке в 1920-х годах. Одним из первых, кто указал на необходимость учитывать предшествующий криминальный опыт, не связывая его с наличием судимости или отбытым (неотбытым) наказанием, был Б.С. Утевский, о чем он прямо писал в статье «Преступность и рецидив» [15]. С течением времени данная позиция была оформлена в теорию криминологического рецидива и нашла отражение в трудах М.А. Гельфера [16], Н.Ф. Кузнецовой [17], Т.М. Кафарова [18] и др. И.С. Дроздов отмечает, что можно «к криминологическому рецидиву отнести все преступления, совершенные лицами, ранее совершавшими преступления, если прежние преступления были известны органам уголовной юстиции и имело место официальное реагирование на них (не только осуждение, но и освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям)» [19, с. 201]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что лицо, фактически совершившее преступление впервые, вообще не должно иметь никакого предшествующего криминального опыта.

Юридический же или уголовно-правовой аспект феномена «совершение преступления впервые» разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [20]. В частности, в документе указывается, что лицо считается впервые совершившим преступление и в случае, когда оно освобождалось ранее от уголовной ответственности. Следовательно, высшая судебная инстанция толкует это понятие без учета криминального прошлого субъекта, совершившего общественно опасное деяние, т.е. с позиций формального отсутствия на момент повторного совершения преступления судимости (по различным основаниям), относя сюда и случаи, когда к такому лицу уже применялся институт освобождения от уголовной ответственности за ранее совершенные преступления. При этом Верховный Суд РФ подчеркнул, что «это правило распространяется на весь институт освобождения от уголовной ответственности и исключений не имеется» [21].

Признание такого подхода более мягким и гуманным не всегда оправдано. Так, Е.К. Волконская указывает, что «прослеживается тенденция увеличения доли тех лиц, которые ранее за совершенные преступления осуждены не были, а освобождались от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям» [22, с. 64]. Более того, она указывает, что многим преступлениям, за совершение которых виновные лица освобождались от уголовной ответственности, свойственна повторность. А значит, при определенных условиях к таким лицам вновь может быть применен институт освобождения от уголовной ответственности. Встает вопрос, насколько справедливо такое положение дел? Насколько полно реализуется принцип справедливости в условиях, когда государством учитывается только уголовно-правовой, а не криминологический рецидив? Ведь вред, причиненный обществу и конкретным потерпевшим, не становится меньше, а правосознание населения не становится выше.

Все это вызывает серьезную обеспокоенность специалистов. В 2018 г. Научно-исследовательским центром социально-политического мониторинга Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) были проведены социологические исследования, направленные на выявление состояния правовой культуры в российском обществе. Исследования показали, что «формированию правовой культуры в российском обществе препятствуют существующие противоречия между правовым сознанием и правовым поведением населения». Так, 39,3% опрошенных заявили, что допускают нарушение закона, еще 14,8% затруднились ответить на вопрос о допустимости такого нарушения. Почти половина опрошенных (45,7%) называет в качестве обстоятельства, мешающего законопослушному поведению граждан, –

неуважительное отношение к праву и законам вообще, а 54,3% респондентов не верят, что в суде можно добиться справедливости [23].

В этой связи, закономерно актуализируется вопрос о реализации принципа справедливости в случае применения института освобождения от уголовной ответственности к лицам, совершившим общественно опасное деяние.

С одной стороны, сама идея применения оснований освобождения от уголовной ответственности не вызывает серьезных нареканий со стороны научного сообщества и практиков. Ряд исследователей прямо указывает, что применение института освобождения от уголовной ответственности «имеет важное значение как средство стимулирования позитивного посткриминального поведения обвиняемых и подозреваемых, которое будет способствовать социальной переориентации данных лиц» [24, с.18].

С другой стороны, при освобождении от уголовной ответственности автоматически исключается не только судимость, но и возможность назначить дополнительное наказание, например, запрет занимать определенную должность. И здесь возникает ряд вопросов. В случае, если должностное лицо совершает впервые преступление средней тяжести против государственной власти, интересов государственной службы и интересов службы в органах местного самоуправления (злоупотребление полномочиями, превышение полномочий и др.), то, будучи освобожденным от уголовной ответственности, например, в связи с назначением судебного штрафа, такой чиновник может благополучно продолжить исполнять свои служебные обязанности. Говорить в этом случае о реализации принципа справедливости представляется затруднительным. Более того, по мнению М.В. Беляева и Ф.Н. Багаутдинова «возможность прекращения подобных уголовных дел и сохранения должности за лицами, совершившими преступления этой категории, сама по себе несет коррупционную составляющую» [25].

Остается, по-видимому, все же решить, на какую концептуальную позицию опереться: концепцию расширительного толкования справедливости права вообще, или же на идею о том, что сами критерии справедливости должны браться из соответствующей социокультурной среды с ее исторически сложившимся утопическим правосознанием.

Литература

1. *Курсанова О.В., Мочалов Е.В.* Проблема справедливости в русской и западноевропейской этико-философской мысли: монография. – Москва: Академический проект, 2018. – 124 с.
2. *Кант И.* Метафизика нравов // Сочинения [Текст]: в 6 т.: [пер. с нем.] / Иммануил Кант; [под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана]. – Москва: Мысль, 1963-1966. – (Философское наследие: ФН): Т. 4, ч. 2 / [ред. В. Ф. Асмус]. – 1965. – 477 с.
3. *Ролз Дж.* Теория справедливости / науч. ред. В.В. Целищев [пер. с англ. В.В. Целищева при участии В.Н. Карповича и А.А. Шевченко]. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – 534 с.
4. *Нерсесянц, В.С.* Право как справедливость. Философия права. Учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – Москва: Изд. гр. НОРМА – ИНФРА-М, 1999. – 652 с.
5. *Поляков, А.В.* Общая теория права. Курс лекций / А.В. Поляков. – Санкт-Петербург: Изд. «Юридический центр Пресс», 2001. – 642 с.
6. *Зубкова В.И.* Принцип справедливости в уголовном законодательстве Российской Федерации / В.И. Зубков // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13 (1-4). – №1. – С. 13-18.
7. Судебная статистика РФ. [Электронный ресурс]// Сайт Агентства правовой информации. – Режим доступа: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/12/s/7> (20 сентября 2021).
8. IX Всероссийский съезд судей: итоги. Правовой дайджест СМИ. // «Бюллетень Иркутского областного суда, Управления Судебного департамента в Иркутской области, Совета судей Иркутской области». – 2017. – №1. – С.4-13.

9. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (20 сентября 2021).
10. Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации. [Электронный ресурс]/ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (20 сентября 2021).
11. *Стадниченко О.С.* Превентивная составляющая некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности, содержащих понятие "лицо, впервые совершившее преступление"/ О.С. Стадниченко // Законность. – 2016. – № 8. – С. 37-38.
12. *Толкаченко А.А.* Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания/ А.А. Толкаченко // Судья. – 2020. – № 8. – С. 18-27.
13. Форма 4- ЕГС. Раздел 4. Общие сведения о выявленных и предварительно расследованных преступлениях субъектами регистрации. Период январь – июль 2021 г.// Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (20 сентября 2021).
14. *Владимирова О.А.* Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности/ О.А. Владимирова // Вестник Самарского юридического института. – 2017. – №4 (26). – С. 28-32.
15. *Утевский Б.С.* Преступность и рецидив // Современная преступность Текст / Гос. ин-т по изучению преступности и преступника; под общ. ред. и с предисл. А. Г. Белобородова (Преступление, пол, репрессия, рецидив) по данным переписи мест заключения. – М., 1927. – 101 с.
16. *Гельфер М.А.* Борьба с рецидивной преступностью в некоторых социалистических странах. – Москва: ВНИИ МВД СССР, 1969. – 74 с.
17. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. – Москва: Изд-во МГУ, 1969. – 232 с.
18. *Кафаров Т.М.* Проблема рецидива в советском уголовном праве. – Баку: ЭЛМ, 1972. – 255 с.
19. *Дроздов И.С.* Рецидив как критерий эффективности наказаний, не связанных с лишением свободы / И.С. Дроздов // Уголовная юстиция. – 2018. – №11. – С. 200-204.
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности". //Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. –2013. – № 8.
21. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г.// Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 11.
22. *Волконская Е.К.* Современные тенденции рецидивной преступности / Е.К. Волконская // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – №4. – С. 63-68.
23. Научно-исследовательская работа по теме: «Правовая культура работников массовых профессий как фактор ослабления напряженности на рынке труда». [Электронный ресурс]. //Официальный сайт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. –Режим доступа: <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/tsentr-sotsialno-politicheskogo-monitoringa/issledovaniya/103-analiz-pravovoj-kultury-rossijskogo-naseleniya-2018> (20 сентября 2021).
24. *Бабаян С.Л., Акимов В.С.* Актуальные проблемы применения освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / С.Л. Бабаян, В.С. Акимов // Российский следователь. – 2017. – № 13. – С. 15-18.

25. *Беляев М.В., Багаутдинов Ф.Н.* Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / М.В. Беляев, Ф.Н. Багаутдинов // *Российская юстиция.* – 2019. – № 12. – С. 34-38.